

ЧТО ЕСТЬ ПРАВО?*

А. В. СТОВБА**

В статье раскрывается авторское понимание права. В противовес классическим представлениям о праве как статичной совокупности сущего (норм, идей, законов и пр.) осуществляется исследование права как динамического, изменчивого, процессуального явления. Феномен права осмысливается в его онтологической плоскости на уровне правового сущего, бытия права (бытие правового сущего) и правового бытия. Методологическими основами подобного подхода служат введенные М. Хайдеггером онтологическое различие (между бытием и сущим) и постонтологическое различие (между бытием сущего и бытием как таковым). Единство бытия и времени М. Хайдеггер именует событием, которое есть модус сбывания бытия. Используя данные философские предпосылки в качестве фундамента исследования, автор настоящей статьи приходит к выводу о том, что правовое бытие выказывает себя как тяга, притяжение между деянием и его правовыми последствиями. В качестве горизонта понятности правового бытия выступает правовое время как разрыв между деянием и его правовыми последствиями. Искомым истоком правового бытия выступает правовое событие как «поворот», обращающий все сущее его правовой стороной. Тем самым правовое бытие выступает как способ, каким сбывается само бытие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, правовое событие, правовое бытие, бытие права, правовое время, тяга.

STOVBA A. V. WHAT IS LAW?

The article reveals the author's understanding of law. The classical legal thought describes law as a static integrity of the entity (ideas, norms, legal statutes etc.). On the contrary, the author of this work understands law as a dynamic, procedural phenomenon. The phenomenon of law is researched in its ontological aspects on the levels of the legal entity, Being of law (Being of the legal entity) and legal Being. An ontological difference (between Being and entity) and a postontological difference (between Being of the entity and Being as such) are the methodological foundations of this similar approach introduced by M. Heidegger. The unity of the Being and the time is called an Event (M. Heidegger) which is a modus of existence of the Being itself. Using these philosophical presuppositions as the foundations of the research, the author comes to the conclusion that the legal Being expresses itself as traction or attraction between an action and its legal consequences. Legal time (as discontinuity between the action and its legal consequences) constitutes a horizon of the understanding of the legal Being. A legal event as a "turn" which

* Окончание цикла лекций о понятии права. Начало и продолжение см.: Правоведение. 2012. № 6. С. 199–209; Правоведение. 2013. № 1. С. 232–239; Правоведение. 2013. № 3. С. 229–237.

** Стовба Алексей Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент философского факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Stovba Aleksey Vyacheslavovich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of philosophy of the V. N. Karazin Kharkiv National University.

© Стовба А. В., 2013

E-mail: stovba34@mail.ru

turns everything to its “legal side” is a sought origin of the legal Being. Thus, the legal Being is a modus of existence of the Being itself.

KEY WORDS: law, legal event, legal Being, Being of law, legal time, traction.

Всякий подлинный вопрос о праве отнюдь не является чем-то наподобие отвлеченного любопытства. Так как согласно М. Хайдеггеру наше бытие есть вопрошание,¹ сам вопрос обусловлен экзистенциально-онтологически. «Экзистенциально» означает то, что данный вопрос не случаен, но укоренен в нашем бытии как человеческих существ — экзистенции. Поскольку наше бытие не являет собой некоей замкнутой сферы, вещи-в-себе, но предполагает выход за свои пределы, самотрансцендирование как «эк-зистирование», «экстаз», в самом этом выходе коренится возможность встречи с чем-то, что предполагает переключение нашего бытия-вопрошающими в «правовой режим». Это «что-то» как раз и есть онтологическая составляющая вопроса о праве. Ведь очевидно, что вопрос о праве возникает не на пустом месте. Говоря обыденным языком, в один прекрасный момент сами обстоятельства «поворачиваются» так, что люди в своем бытии друг с другом вынуждены осмыслять их в правовом ключе.

Самоочевидно, что человек одновременно живет в правовой, экономической, эстетической, моральной, физической, химической, религиозной и множестве иных реальностей.² Все они «накладываются» друг на друга, и, по словам И. Л. Честнова, могут быть отделены исключительно аналитически.³ Вместе с тем столь же очевидно и то, что вследствие некоего «поворота» в вещах и событиях на первый план выходит определенная их плоскость: правовая, экономическая, моральная и пр. Соответственно именно «правовой поворот», который превращает «Иванова» в «истца» либо «ответчика», чашку — в «вещественное доказательство», а сарай — в «место преступления», является тем катализатором, который «заставляет» вещи *быть правовыми*, делая их бытие бытием права, «за-ставляя» все иные перспективы (физические, химические, экономические) их правовой стороной.

Тем самым можно сделать вывод о том, что никакая вещь, отношение, лицо и т. п. не являются правовыми сами по себе, или, говоря философским языком, имманентно (т. е. внутренне) правовыми. Так, купля-продажа является правоотношением не в большей и не в меньшей степени, нежели отношением экономическим, социальным, политическим и пр. Точно так же, например, стиральная машинка в равной мере может оказаться объектом правовых, экономических, моральных, физических, химических процессов. В свою очередь убийство может воплощать в себе властные (политические), личные (моральные), религиозные (например, религиозный терроризм) отношения. Даже закон, прокурор, судебное решение без этого «правового поворота» могут оказаться всего лишь видимостью права, воплощая собой карательно-репрессивную деятельность режима, средство экономического воздействия государства на участников общественных отношений и пр. Иными словами, любой классический правовой

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 7.

² Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 146.

³ Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание. Краснодар, 2010. С. 7.

феномен всегда оказывается в равной степени релевантен, как минимум, еще и в политическом и экономическом отношениях.

Следовательно, если мы хотим уйти от правового релятивизма, объявляя те или иные институты, лиц, вещи правовыми исключительно в силу принадлежности исследователя к правовой сфере (тем самым презюмируя, что экономисты, политологи, религиоведы могут проделать аналогичную операцию), то необходимо выявить тот исток, который порождает правовой статус вещей, отношений и т. п. Иными словами, следует спросить, как то или иное явление становится правовым, возможно ли выявить при этом некий алгоритм, инвариант, закономерность, которые позволили бы нам уйти от догматики (простого постулирования правового статуса определенных феноменов) и релятивизма. Что же порождает «правовость», т. е. правовой статус соответствующего феномена?⁴

Здесь необходимо оговориться, что мы не можем опереться на классический ответ позитивно-правовой юриспруденции, которая объявляет правовой статус институтов, лиц, отношений следствием законодательных установлений. Во-первых, поскольку позитивно-правовое регулирование зависит от человеческого произвола, мы приходим все к тому же релятивизму, когда по воле законодателя правовым может оказаться что угодно (например, в Средние века животное оказывалось субъектом права). Во-вторых, как уже было сказано выше, такие «имманентно правовые вещи», как закон либо суд, всегда могут оказаться неправом (например, в случае коррупционности судей, лоббизма законодателей и пр.) либо не правом, а чем-то еще — политическими, экономическими, религиозными феноменами. Тем самым, поскольку мы покидаем почву догматической юриспруденции, без лишних вопросов постулирующей правовой статус того либо иного явления, мы вынуждены обратиться к философии права. Она чужда всякой догматике и начинается там, где заканчиваются аксиомы позитивистской теории права. Не случайно еще австрийский правовед Р. Марчич указывал, что философия права выросла из опыта неправда, когда первый философ права — Гесиод — был вынужден судиться со своим братом Персесом из-за наследства, а подкупленный последним судья отдал Гесиоду в правосудии посредством формально законного решения.⁵

Таким образом, возвращаясь к нашему вопросу, надо заключить следующее. Во-первых, вопрос «Что есть право?» никогда не является отвлеченным вопрошанием, но сущностно обусловлен способом нашего бытия в мире, а потому сферой поисков ответа на него будет бытие человека в мире. Во-вторых, подобный вопрос представляет собой взаимодействие экзистенциальных и онтологических факторов. В-третьих, никакого «права самого по себе» — в вещах, отношениях, законах, институтах — не существует. Всякая вещь, лицо, отношение приобретает правовой статус исходя из определенного события, «правового поворота», который переключает реальность в ее правовой ракурс.

Из сказанного выше очевидно, что право как сущее, в его «субстанциональном», «вещном» виде является не первичным, но производным,

⁴ Справедливости ради следует отметить, что представители так называемой «классической теории права» в последнее время также осознают необходимость осмысления того, каким образом то или иное сущее обретает правовой статус. См. об этом: *Рабінович П.* Філософія права: деякі «вічнозелені» наукознавчі сюжети // *Право України.* 2011. № 8. С. 15; *Толстик В.* Борьба за содержание права — важнейшее научное направление // Там же. 2010. № 4. С. 30.

⁵ *Marcic R.* Rechtsphilosophie. Eine Einfuehrung. Freiburg, 1968. S. 16.

поэтому мы не можем говорить о праве в классических координатах как о «правовой сущности», имманентно присущей неким явлениям.

Как известно, в традиционном правоведении вопрос «Что есть право?» понимался как вопрос о вечной и неизменной сущности права. Сущность при этом трактовалась как вневременная совокупность свойств, позволяющих идентифицировать явление «как» правовое.⁶ Вопрос ставился в его платоновско-гегелевском варианте («вечной и неизменной сущности» противопоставлено «преходящее и изменчивое явление»). «Что» вопроса распалось надвое. Во-первых, «что» — это *сущность* права. Во-вторых, «что» подразумевало, что право есть некое *сущее*, т. е. материальная либо идеальная субстанция, обладающая правовой сущностью. При этом парадоксальным образом «должное» также предстало как некое нематериальное сущее (идеи, представления о должном), которое подлежало воплощению в действительность при помощи принуждения, разумного убеждения, правовых институтов и пр.

Сконцентрировавшись на «что» вопроса, правоведа традиционно выпускали из виду «есть». Обычно «есть» понималось просто как грамматическая связка, указывающая на приписывание некоему сущему — праву — определенных свойств (например, справедливости). Но определяя право как сущее через иное сущее (справедливость, свободу и пр.), праву отказывали в *его собственной сущности* — оно превращалось в пустое собирательное название для совокупности иного сущего (свободы, равенства и т. п.). Оказывалось, что права как такового нет — есть совокупность иных феноменов, собранных воедино под общим названием «права». Квинтэссенцией подобного «правового номинализма» является либертарная концепция В. С. Нерсесянца.⁷ Также упускался вопрос о способе существования правовой сущности.⁸ Как она существует — в сознании, в «правовых вещах», как-то еще?

Поэтому в вопросе о праве необходимо сместить акцент, спросив «Что *есть* право?», т. е. «Как оно сбывается?». Поворот вопрошания от *сущего* («что») к *бытию* («как») есть «онтологический поворот» в философии права.⁹

Как известно, автором онтологического поворота в философии является немецкий философ М. Хайдеггер. В своем сочинении «Бытие и время» (1927) он возобновляет извечный философский вопрос о смысле бытия. При этом немецкий мыслитель указывает, что в философской традиции данный вопрос был упущен, а само бытие — забыто, смешавшись с сущим.¹⁰ Вопрос о *смысле бытия* был заменен проблемой *значения сущего*. Однако поскольку всякое сущее обретает свой смысл из бытия, переориентация внимания с сущего на бытие неизбежно предполагает проведение между ними строгого различия. Такое различие между сущим и бытием этого сущего М. Хайдеггер называет *онтологическим различием*. Впоследствии в своей поздней работе «Время и бытие» (1962) немецкий философ приходит к *метаонтологическому различию* — различию между бытием конкретного сущего и бытием «просто», как таковым. Согласно позиции

⁶ *Стовба А. В.* О перемене сущности или «что есть» право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1. С. 157.

⁷ *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–16.

⁸ *Правосуддя: філософське та теоретичне осмислення* / відп. ред. В. С. Бігун. Київ, 2009. С. 96.

⁹ *Стовба А. В.* О перемене сущности... С. 158.

¹⁰ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С. 4.

М. Хайдеггера это «простое бытие» сбывается как *событие, которое представляет собой единство бытия и времени*.¹¹

Данные философские конструкции оказываются неожиданно плодотворными для права. Выше мы уже упоминали о том, что никакое сущее не является правовым само по себе, поэтому можно предположить, что правовой статус тому или иному сущему сообщается *способом его бытия*.

Следовательно, если перенести онтологическое различие бытия и сущего на право, можно заключить, что сущее становится правовым, когда оно *есть как правовое*. Мнимая тавтологичность такого утверждения исчезает, как только мы вспомним, что любое сущее может быть всяким: физическим, химическим, моральным, экономическим и пр. Речь, конечно, не идет о том, что в тот момент, когда бытие сущего становится правовым, оно утрачивает свои физические, экономические, эстетические либо иные характеристики. Скорее, следует говорить о том, что меняется *смысл* этого сущего: так, красивая девушка представляет собой эстетический объект, в случае совершения ею преступления ее эстетические характеристики «затмеваются» правовыми, в результате ее естественной смерти она становится «просто» физическим объектом и пр. При этом смысл представляет собой не некую «вневременную» сущность, «вселяющуюся» в некое явление по чьей-то прихоти, но то, «откуда», «из чего» мы *вынуждены* понимать это явление.¹²

Тем самым смысл сущего (а следовательно, и способ его бытия) изменяется не произвольно, но вследствие некоего события, которое *вынуждает* к этому. Это событие изменяет способ бытия сущего, делая его бытием права, а само это сущее — правовым. Следовательно, искомым истоком правового сущего, откуда оно обретает правовой способ бытия, является *правовое событие*. Поскольку мы переносим на правовую почву «метаонтологическое различие» М. Хайдеггера, мы должны выявить искомые составляющие правового события — *правовое бытие* (которое, как «чистую динамичность права», не следует отождествлять с бытием права, т. е. бытием правового сущего) и *правовое время*.

Как уже было сказано, ответ на вопрос о праве вынуждает искать правовое событие, которое, собственно говоря, и ставит этот вопрос. Это понуждение происходит, конечно, в невербальной форме, ощущаясь в качестве своеобразного «давления обстоятельства». Как удачно писал по этому поводу немецкий правовед В. Майхофер, «в самом деле, может ли быть, что мы когда-нибудь выпадем из успокаивающей надежности этого привычного повседневного обращения с действительностью права, в зал суда, в тюрьму, в кабинет нотариуса, и нами овладеет вопрос: *что это все означает* (курсив мой. — А. С.)? Будем ли мы внезапно, в «мгновение ока» вырваны из защищенности, которая никогда не ставилась «под вопрос», из всегда уже предварительно данного (доонтологически) понимания смысла, ощутив утрату под ногами почвы всякого «правового мира», в котором, кажется, мы занимаем столь твердые позиции? В это мгновение становится необходимым наш ответ на донныне «не-необходимый» и «не-слыханный» вопрос, мы не в состоянии просто отодвинуть в сторону «вопросительное» Пребывшее (*Gewordene*) в надежде, что наша проблема «успокоится» и без того, чтобы мы позаботились найти на нее ответ».¹³

¹¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 403–404.

¹² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 151.

¹³ Майхофер В. Право и бытие // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 202.

Самоочевидно, что любое правовое событие начинается с деяния — действия либо бездействия. Разумеется, это не любое деяние. Правовой вопрос способен задать лишь то деяние, которое (пусть на мгновение) заставляет задуматься — *как быть дальше?* Другими словами, правовое деяние есть то, которое направлено на нас в нашем бытии друг с другом, причем так, что мы сами в конкретном модусе нашего бытия оказываемся поставленными под вопрос. Самое простое деяние — покупка хлеба в магазине, проезд на метро либо обмен валюты в банке — предполагает *временной разрыв, пробел* между первичным деянием и ответным действием, «ре-акцией» другого лица, на которого обращено наше деяние. Так как я совершил нечто, *на то время*, которое отделяет меня от встречного действия того, на кого направлено мое действие, я как бы «зависаю» в своем статусе: сбудусь ли я покупателем — дадут ли мне товар за уплаченные деньги? сработает ли автомат, пропустив меня в метро? выдаст ли мне кассир сумму в национальной валюте взамен моих денег? Подобные «вопросы» мы сотни раз задаем в повседневной жизни. При этом «правовой привкус», явственный в упомянутых мною мелких бытовых сделках только для юристов, внезапно оказывается весьма ощутимым даже для непрофессионала при совершении чего-то более крупного: покупки недвижимости, получении кредита в банке и т. п. Собственно, все правовые акты, которые сопровождают подобные операции (нотариальная форма сделки, присутствие свидетелей и т. п.), направлены на то, чтобы «застраховать» от тех «неожиданностей», которые могут возникнуть в упомянутом временном промежутке. Все вещи, люди, события, отношения, которые втянуты в этой временной промежуток, потенциально могут оказаться правовым сущим, т. е. обрести правовой модус бытия.

Тем самым очевидно, что право как бытие права (бытие правового сущего) оказывается локализовано во временном промежутке между деянием и ответным деянием, высвечиваясь в случае реального либо потенциального несовершения ответного деяния. Во избежание путаницы назовем «первичное» деяние «правовым деянием», а ответное деяние — «правовыми последствиями». Таким образом, правовым последствием передачи денег («первичного деяния») при купле-продаже будет передача товара, при убийстве — привлечение виновного лица к ответственности и т. п.

При этом имеет место определенная парадоксальность. Как только навстречу правовому деянию выходят соразмерные ему правовые последствия, право «прекращается», «исчезает», т. е. правовое событие «исчерпано». Вместе с тем ответное деяние (правовые последствия) может стать первичным деянием в отношении каких-то иных правовых последствий (например, ситуация встречной оферты в гражданском праве). Также необходимо отметить, что правовое событие исчерпано лишь тогда, когда правовые последствия оказываются соразмерны деянию. Если же они отклоняются от него в какую-либо сторону (например, слишком строгое либо слишком мягкое наказание за совершенный деликт), право не сбывается, оно как бы «зависает», ставится под вопрос. В таком случае на помощь приходит сущее: оно, поворачиваясь своим правовым аспектом (как доказательства, договоры, свидетели и пр.), как бы помогает праву совершить, т. е. свершить те правовые последствия, которые свойственны совершенному деянию.

Следовательно, специфическим — правовым — временем оказывается время «между» правовым деянием и его правовыми последствиями. Деяние представляет собой своеобразное «прошлое», последствия — «будущее», а сам временной промежуток — «настоящее» правового времени.

М. Хайдеггер в предисловии к «Бытию и времени» называет время горизонтом понятности бытия.¹⁴ Соответственно и правовое бытие может быть понято из описанного нами правового времени. Прежде чем перейти к выявлению собственно правового бытия, необходимо отметить, что правовое время отнюдь не представляет собой «классического» линейного времени как последовательной цепочки «теперь», тянущейся из прошлого в будущее. Время права есть экстатическая со-временность, когда прошлое, настоящее и будущее не следуют друг за другом, но временят одновременно.¹⁵

Поясняя сказанное, следует отметить, что в силу описанной выше соразмерности правовых последствий совершенному деянию как условия возможности свершения права можно констатировать наличие между ними необходимой связи. Однако это не просто причинно-следственная связь, когда наличное в «прошлом» правовое деяние вызывает в «будущем» должные правовые последствия. Очевидно, что «фактически», «реально» такие правовые последствия могут и не настать — виновное лицо может скрыться, подкупить судью, запугать свидетелей и т. п. Вместе с тем тот упомянутый гесиодовский «опыт неправа», который переживается людьми в случае такого развития событий, указывает на некую «незавершенность» подобной ситуации и вызванную тем самым «неудовлетворенность», что свидетельствует о наличии связи между правовым деянием и соразмерными ему правовыми последствиями.

Ответ на вопрос о природе такой связи неотделим от осмысления особенностей правового времени. Как уже было сказано выше, правовое время не линейно, но экстатично. Это обусловлено тем, что мы осмысливаем не просто право как сущее (законы, институты, отношения), существующее «внутри времени» как линейной последовательности «теперь», но правовое событие, которое, сбываясь в особом, экстатическом времени, обуславливает правовой статус сущего, превращая его бытие в бытие права.

Переходя к описанию правового времени как времени правового события, следует отметить, что, по словам польского феноменолога Р. Ингардена, событием является возникновение — и, более точно, вхождение в бытие — некоторого положения вещей или некоторой предметной ситуации.¹⁶ И произойти оно может только одновременно.¹⁷ В этом заключается отличие события от процесса: события являются необходимыми для того, чтобы процессы вообще могли разыгрываться, разворачиваться, миновать, проходить. Каждый процесс не только развивается в своих фазах во времени, но и требует времени для конституирования себя. Это не касается события. Оно появляется в бытии сразу как готовое создание, входя как бы одним махом в бытие и уходя из него.¹⁸ Тем самым всякий фактический юридический процесс, т. е. протекающая в линейном времени «реальная привязка» правовых последствий к совершенному деянию, происходящая посредством разнообразного правового сущего (законов, институтов, доказательств и т. п.), является уже вторичным, производным по своей сути явлением.

¹⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. С. IV.

¹⁵ Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков, 2006. С. 150 и сл.

¹⁶ Ингарден Р. Спор о существовании мира. Время и способ существования // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 160.

В свою очередь анализ феномена времени М. Хайдеггером выявил, что «будущее», взятое в его событийном аспекте, *предшествует* «прошлому». Так, в событии любое последствие совершенного нами деяния «*вначале*» существует как будущее, и лишь «*затем*» сбывается как настоящее и «*уходит*» в прошлое. Такое прошлое в свою очередь само становится тем, что «*вызывает*» из будущего дальнейшие последствия. Например, совершение кражи уже *в момент своего совершения* необходимым образом вызывает свои правовые последствия (штраф, арест, лишение свободы), фактическое наступление каковых, в свою очередь, становится основой *будущего*: раскаяния, дальнейшего преступного пути после пребывания в СИЗО либо колонии и т. п.

Тем самым необходимо строго различать собственно «правовое время» правового события (экстатическое, нелинейное), которое принципиально неизмеримо, и линейное «юридическое время» порожденного этим событием правового процесса, которое измеряется обычным образом (сроки исковой давности, досудебного расследования и т. п.).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что, поскольку событие (а значит, и правовое событие) свершается «точечно», «одномоментно», когда прошлое и будущее экстатически устремлены навстречу друг другу, в *совершенном правовом деянии имманентно уже содержится весь веер всех возможных правовых последствий*. Собственно связь между ними, их взаимное притяжение, *тяга*, которая разворачивается в горизонте правового времени, и может быть названа *правовым бытием*.

Правовое бытие сбывается в горизонте правового времени. Как только правовое деяние совершено в *настоящем*, из *будущего* навстречу ему (т. е. в *прошлое*) **уже** устремлены правовые последствия, которые, встретившись с ним опять-таки в *настоящем*, замкнут временной круг и «исчерпают» правовое бытие. Тем самым, поскольку деяние совершено в *настоящем*, но направлено в *будущее*, из которого наступают устремленные в *прошлое* правовые последствия, правовое время имеет круговое экстатичное устройство. Правовое время может быть описано как круговая экстатичная современность.

В этой «временной петле» заключено правовое бытие. Поскольку круг замкнут, правовое бытие скрывается, отказывая себя в пользу экономического, физического, биологического либо иного бытия. Однако если круг времени не может замкнуться, а правовые последствия «зависают», ставя под вопрос правовое бытие как «тягу», на помощь приходит правовое сущее: оно, как «доказательства», «стороны правоотношений», «предмет спора» и пр., как бы «заполняет» этот временной пробел, усиливая притяжение, «помогая» сбываться правовому бытию, «встретиться» соразмерным друг другу деянию и его правовыми последствиями.¹⁹

Тяга между правовым деянием и его правовыми последствиями укоренена в самом статусе правового бытия как бытия. Как указывал М. Хайдеггер, то, что есть, никогда не исчерпывается непосредственно действительным и фактическим. К тому, что есть, т. е. что остается определенным исходя из бытия, принадлежит равным образом — если не является главным — то, что может быть, что должно быть, и что было.²⁰ Тем

¹⁹ Конечно, если этот временной промежуток затягивается до бесконечности, когда деяние не может встретить свои правовые последствия, правовое бытие «рассеивается», «затухает».

²⁰ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? // Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2006. С. 149.

самым к правовому бытию как способу свершения самого бытия необходимым образом принадлежит то, что было (деяние), то, что может быть (век возможных правовых последствий), и то, что должно быть — настоящее, когда деяние встречается со «своими» правовыми последствиями. Иными словами, как уже было сказано, правовое время образует петлю. Она *затягивается*, поскольку наступающие из будущего (настоящего) правовые последствия соразмерны совершенному деянию, а все остальные возможные варианты «отсекаются». Во встрече деяния и «свойственных» (нем. *eigentlich*) ему правовых последствий высвечивается *правда* деяния, его смысл, т. е. то, *что оно есть воистину*. Это происходит в *настоящем* правового времени, поэтому в настоящем правового времени правовое бытие есть *настоящее*, раскрываясь в момент встречи деяния и «его» правовых последствий как правда права: что *было*, что *могло быть* и чему *надлежит свершиться*. Иными словами, до того, как петля затянется, а правовое бытие свершится, мы никогда не можем знать, чему надлежит быть: ведь в деянии имманентно содержится не *одно* правовое последствие, но целый *горизонт* таковых. Избрание же последствия, наиболее «своего» совершенному деянию, выводит на свет *правду* свершившегося, т. е. истину правового бытия.